

Дедушкины
медали

«За отвагу»

Евгений
Воробьев

**ТРИНАДЦАТЫЙ
ЛЫЖНИК**

Издательство
«МАЛЫШ»
Москва • 1983

Евгений
Ворообьев

**ТРИНАДЦАТЫЙ
ЛЫЖНИК**

**РИСУНКИ
П. ПИНКИСЕВИЧА**

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Перед вами — медаль «За отвагу». Этой медалью в годы Великой Отечественной войны награждено более четырёх миллионов человек.

Солдат или сержант, удостоенный медали «За отвагу», обязательно должен был совершить подвиг, связанный чаще всего с опасностью для жизни, когда, следуя воинскому долгу, нужно собрать всю силу воли и не поддаться страху. Часто подвиг требовал не только беззаветной храбрости, но и отличной солдатской выучки, сноровки, смекалки.

О солдатской смекалке — родной сестре солдатского мужества — эта книга.

**Дедушкины
медали**

«За отвагу»

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛЫЖНИК

У колодца и дальше, у избы с высоким крыльцом, уже дважды сменились немецкие патрули, а Харламов всё ещё лежал в своей белой берлоге. Справа его укрывал плетень, слева — высокий сугроб.

Харламов зарылся в снег на огороде, за одним из крайних домов деревни. Изредка, когда колени, локти и живот начинали коченеть, он осторожно, боясь загреть оружием, поворачивался на бок. И снова томительные минуты ожидания. Какими длинными они кажутся человеку, который не ел двое суток и промёрз до мозга костей!

У разведчика-наблюдателя отличное зрение, и сержант Пётр Харламов за сутки пребывания в деревне приметил многое. В колхозных яслях — штаб. В амбаре напротив — склад боеприпасов. У околицы, в доме с каменным фундаментом, — пулемётное гнездо, левее — окопы.

«Эх, наводчикам бы нашим да эти адреса!» — подумал он.

Разведчик при возвращении из поиска должен быть осторожен вдвойне: он рискует и жизнью, и добытыми сведениями. Вот почему Харламов терпеливо ждал наступления темноты, когда можно будет подняться, отрыть из-под снега лыжи и двинуться в обратный путь. Для этого нужно прежде всего пройти незамеченным через деревню, добраться до ближнего леса и двинуться по руслу реки, сжатой крутыми берегами.

Смеркалось. Снег окрасился в пепельно-голубой цвет и быстро темнел.

Внезапно Харламов увидел, что по деревенской улице, в каких-нибудь тридцати шагах от него, скользит лыжник в маскировочном халате. Белый капюшон закрывал шапку, лоб, подбородок, оставляя морозному ветру только узкую полоску лица. В уверенных и лёгких движениях лыжника не чувствовалось усталости.

«Значит,— решил Харламов,— только собрался в дорогу. Должно быть, разведка».

Вслед за первым лыжником, метрах в пяти позади, слегка пристукивая лыжами по насту, шёл второй, за ним третий, четвёртый...

Девять, десять, одиннадцать... Вот промелькнула согнутая под тяжестью какого-то ящика фигура двенадцатого. Харламов подождал ещё немного — никого. Очевидно, двенадцатый лыжник был замыкающим.

«А почему бы мне не стать тринадцатым? — внезапно подумал он.— И автомат у меня трофейный... Такой же, как у немцев».

Не поднимаясь, он разгрёб снег, надел лыжи, продел руки в кожаные петли палок и только после этого поднялся на ноги. Энергичный толчок, другой — и Харламов заскользил по деревенской улице. Он легко мог сойти за

немца, несколько отставшего от своих.

Тотчас же Харламов встретился лицом к лицу с солдатом, который нёс охапку дров. Затем повстречались ещё два, шедшие, очевидно, после смены караула. Они пританцовывали на ходу, пытаясь согреться.

Не отводя глаз, не смутившись, Харламов разминулся с офицером так близко, что едва не задел его плечом. Небритое лицо, чёрные наушники, бархатный воротник офицерской шинели.

Харламов шёл, копируя размашистый шаг лыжников, идущих впереди. Его отделяло от последнего немца не больше сорока — пятидесяти метров. Когда вышли за околицу и отряд растянулся длинной цепочкой, Харламов отстал ещё больше. Он шёл на такой дистанции, чтобы двенадцатый лыжник, обернувшись, не смог увидеть его лица. А кому придёт в голову пересчитывать на ходу, сколько человек движется гуськом друг за другом?

Несколько раз фашисты останавливались на отдых;

они курили, пили из фляг. Тринадцатый лыжник быстро высвободил ноги из креплений и плашмя падал в снег, уже перекрашенный сумерками в тёмно-синий цвет. Он рад был этим привалам. Сказывался голод и усталость. Всё труднее было тянуться за отрядом.

Отряд вошёл в перелесок, где темнота ещё плотнее, и остановился. Харламов наблюдал, притаившись за елью. Фашисты установили на треноге какой-то прибор. Когда наши орудия за Волоколамским шоссе подавали голоса, фашисты начинали суетиться у прибора. Очень скоро Харламов признал в них «слухачей». Немцы-звукометристы засекали голоса орудий нашей батареи, и Харламов был в отчаянии, что не может сейчас же сообщить об этом в свой дивизион. Батарею необходимо сменить своё местонахождение. И скорее! Скорее!

Под прикрытием ёлочек он пошёл к чаще леса. Было уже совсем темно, когда сержант вскарабкался на крутой заснеженный берег

Ламы и добрался до знакомых мест.

Шёл медленно, еле волоча ноги. Лыжные палки отяжелели в руках, словно они были вырезаны не из бамбука, а из водопроводных труб. Неуклюже прополз через знакомую лазейку в проволочном ограждении. Стал на колени, сложил руки рупором, закричал хриплым, простуженным голосом пароль: «Мушка» — и его услышали.

Он еле держался на ногах, и бойцы повели его под руки, как раненого. От предложения отогреться и отдохнуть в землянке боевого охранения сержант Харламов отказался наотрез.

— Нужно бежать на батарею. Есть срочный разговор с капитаном, — сказал он озабоченно и потянулся к лыжным палкам.

ОБРЫВОК ПРОВОДА

Трудно вспомнить, сколько раз в тот день Устюшину пришлось отправляться на линию и сращивать провод. То провод перебьёт осколком мины, то оборвёт взрывной волной, то его перережут немецкие автоматчики, которые уже несколько раз просачивались в ближний лес. Смеркалось, когда батарея вновь потеряла связь с наблюдательным пунктом майора Балояна.

Устюшин нажимал на клапан, кричал, надрываясь, изо всех сил дул на заиндепевшую мембрану. Телефонная трубка была нема. «Днепр» не отвечал на тревожные вызовы «Алтая».

— Пропал «Днепр». Как воды в рот набрал,— сказал Устюшин самому себе голосом, охрипшим от крика и безнадёжности.— Без вести пропал «Днепр»...

Устюшин молча передал трубку помощнику, выполз из блиндажа, осмотрелся. Он хотел было переждать, пока утихнет обстрел, но обстрел не утихал. Теперь, когда он

оказался под открытым небом, их блиндаж в два наката жидких брёвен — при каждом разрыве сквозь щели осыпался песок — показался ему могучей крепостью.

Устюшин глубже нахлобучил ушанку, натянул на руки тёплые варежки, словно тем самым лучше защитился от опасности, и побежал вдоль провода, проваливаясь в снег по колено, по пояс. Эх, жаль, старшина не успел выдать связистам валенки, приходится нырять по сугробам в сапогах! Хорошо, хоть раздобыл шерстяные портянки!

Провод тянулся от шеста к шесту, затем связывал ёлочки на опушке. Провод походил на толстый белый канат: сухой пушистый снег осел на нём.

Устюшин бежал, а мины по-прежнему рвались, будто догоняя его. Воздух словно дымился от близких разрывов. Снег белыми облачками падал с елей, обнажал хвою. С посвистом летели осколки. Пахло горелой землёй. На снегу чернели круглые выбоины.

Устюшин пробежал не меньше двух катушек провода, прежде чем обнаружил место обрыва. Вот он, конец провода, безжизненно повисший на молоденькой ёлке. А где другой конец? Он лежал где-то на земле, его уже присыпало свежим снежком, и не сразу удалось разыскать. Сейчас Устюшин «сведёт концы с концами» и побжит обратно в спасительный блиндаж, подальше от осколков.

Однако вот неприятность — больше метра провода вырвало миной и отшвырнуло куда-то в сторону. Соединить концы провода никак не удавалось. Не хватало этого злополучного метрового обрывка! А запасной катушки у Устюшина с собой не было. Как же быть? Батарея-то ждёт! И «Днепр» ждёт! Устюшин знал, что сегодня в любую минуту может прозвучать по телефону сигнал «444», секретный сигнал к наступлению, и горе горькое, если их «Алтай» не отзовется на гортанный голос майора Балояна.

Устюшин снял варежки, взял в правую руку один конец провода, левой рукой дотянулся до провода, который теперь валялся на снегу. Концы были оголены от изоляции и кусались на морозе.

Человеческое тело, как известно, проводник электрического тока. Вот он и включился в линию.

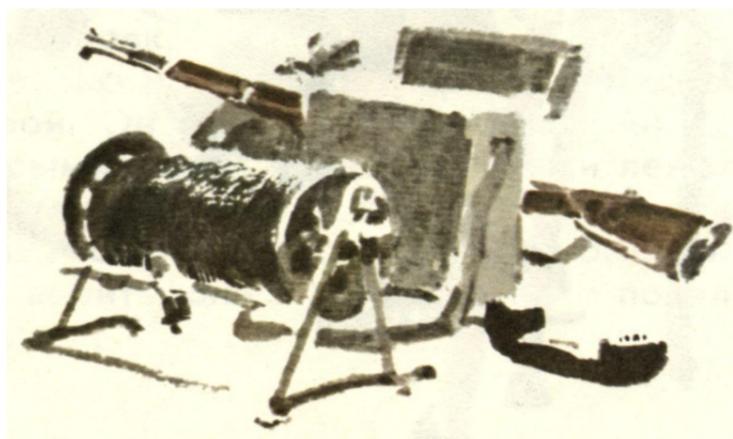
Как удачно, что у них на батарее старшина не успел обуть связистов в валенки; как хорошо, что подметки у него резиновые!

Он стоял, широко раскинув руки. Стоял, потому что не хватало провода. А прилечь или присесть на снег нельзя: как бы не заземлить всю линию...

Конечно, можно поднатужиться и ещё сильнее потянуть концы провода на себя. Но тянуть изо всех сил Устюшин боялся — ещё оборвётся. И до поздней ночи, пока не отгремел бой, во весь рост стоял Устюшин на опушке леса, среди молоденьких ёлок, посечённых осколками; немало свежих хвойных веток и веточек легло вокруг на снег.

Когда слышался зловеще нарастающий звук мины, Устюшина охватывало жгучее желание бросить концы натянутого провода и припасть к земле, уткнуться лицом в сухой снег, вдавиться в него как можно глубже. Но всякий раз он унимал дрожь в коленях, выпрямлялся и оставался на месте. В правой руке, окоченевшей от холода и усталости, Устюшин держал «Днепр», в левой — «Алтай».

Тёплые варежки лежали на снегу, у его ног.

ВОДОВОЗ

Первое письмо от Григория Ивановича Каширина пришло в полк спустя месяц после его ранения.

«Товарищ майор,— писал Каширин.— В первых строках моего письма докладываю Вам обстановку. Обстановка в палате благоприятная. Маскировка в белый цвет полная, имеются даже занавески».

Заканчивалось письмо обещанием быстро поправиться и вернуться в полк.

Прочитав письмо, майор Жерновой недоверчиво покачал головой. Он вспомнил, как Каширин с землистым лицом и серыми, почти чёрными губами лежал на носилках: он был тяжело ранен в бедро и голень. Раненые, когда пишут из госпиталя, часто обещают быстро поправиться. Если им верить, они и в госпиталь-то попали по недоразумению.

От Каширина долго не было ни слуху ни духу, как вдруг он предстал перед майором собственной персоной.

— Сержант Каширин из госпиталя прибыл!—лихо отрапортовал он.

— Ну-ка, покажись, Григорий Иванович. Как там тебя залатали?

Майор шагнул навстречу Каширину, они обнялись. Оба воевали вместе ещё у Соловьёвой переправы. Григорий Иванович за эти месяцы изменился мало, разве что похудел и от этого казался более долговязым, а шея—более длинной. Плечи были столь покатыми, что сержантские погоны Каширина хорошо видны и сбоку. Шинель, изжёванная и мятая, была непомерно широка, и казалось, надета на голое тело. Широкий воротник подчёркивал худобу шеи.

Майор, обрадованный возвращением Каширина, шутил, смеялся и уже несколько раз спрашивал:

— И как ты полк нашёл? Тысячу вёрст от речки Лучесы отмахали—это не фунт изюму!..

Григорий Иванович сидел напротив майора, насупившись, и молчал, будто был виноват, что его ранили за несколько дней до наступления на злополучной высоте 208,8 под Витебском, а полк без него прошёл с боями к Восточной Пруссии.

— Ну, теперь признавайся: сбежал из госпиталя? Как в прошлый раз?

— Нет, товарищ майор, — вздохнул Каширин. — На этот раз полный срок отбыл.

— Так в чём же дело?

— Меня комиссия по чистой уволила. — Каширин потупился. — Совсем с действительной службы. Поскольку левая нога у меня того...

— Хромаешь?

— Немножко есть.

— Да... — невесело сказал майор и принялся вертеть в руках карандаш.

— Вот, хочу здесь обжаловать эту комиссию. Мало ли что нога! Где-нибудь в тылах пристроюсь. А из полка мне дороги нет, сами знаете.

Майор тоже помрачнел. Жалко терять такого снайпера, жалко и самого Каширина. Но с другой стороны, ку-

да девать инвалида? Майор в раздумье поднял глаза на Каширина и внимательно оглядел его.

— Ну и шинель на тебе! Прямо пугало. И где их только находят в госпиталях, эдакие шинели... Вот тебе записка на вещевой склад. Переоденешься — там видно будет.

Григорий Иванович поднялся и, слегка прихрамывая, направился к выходу.

— Хотя постой! — крикнул майор и от возбуждения даже встал. — Вот что! Оставайся-ка ты там, Григорий Иванович, кладовщиком. Принимай склад. Лизунков — парень молодой, здоровый, и негоже ему там войну коротать.

Каширин был от такого предложения на седьмом небе, но майора не поблагодарил и восторга не выразил.

Через неделю он совсем освоился с новой работой — переругивался со старшинами, отпускал новенькое обмундирование, принимал рубахи, портянки и шинели, отслужившие свой срок.

Дыхание переднего края, проходившего в те дни по самому краю советской земли, вдоль прусской границы, доносилось и сюда, в тихий вещевой склад, пропахший затхлой ветошью. Старая одежда пахла порохом, оружейным маслом и потом войны, на ней виднелись бурые пятна крови.

Григорий Иванович научился многое узнавать о владельцах старой одежды.

Блестящее, отполированное пятно у правого плеча на гимнастёрке — след приклада автомата. У разведчиков обмундирование больше, чем у других, продрано на локтях и на коленях. У сапёров всегда изорваны в клочья рубака и полы шинелей или рубах — острые следы колючей проволоки. Гимнастёрка, замасленная на груди до чёрного блеска, будто её смазали гуталином, принадлежит подносчику, ящичному. Много тысяч снарядов поднёс он к орудию и каждый снаряд прижимал к груди бережно, как младенца.

Чем острее слышны были в складе запахи боёв, тем

больше тяготился своей работой Каширин. Он стал подолгу пропадать в оружейной мастерской, расположенной по соседству со складом, а увидав там однажды новенькие самозарядные винтовки, принялся кланчить такую винтовку у оружейного мастера Лапшина.

— Ну зачем тебе такая винтовка? — допытывался Лапшин. — Мышей, что ли, по ночам в складе пугать?

— Мыши сюда, Филипп Филиппович, не касаются. А склад охранять — дело серьезное. И винтовка тут, Филипп Филиппович, требуется первый сорт. Поскольку нахожусь я на действительной службе...

— Новости! — рассердился Лапшин. — Нужна тебе такая винтовка, как танкисту шпоры!..

Но Каширин всё-таки добился своего: получил самозарядную винтовку отличного боя. Он никому не доверил новенькой винтовки, сам выверил и пристрелял её.

Назавтра Каширин отправился к майору Жерновому:

— Товарищ майор, до-

кладываю обстановку. На складе всё в порядке. Шаровары и рукавицы получены. Разведчикам выданы сапоги согласно приказу...— Каширин помялся, потом сказал:— А мне разрешите ключи сдать. Хочу со склада податься.

— Чем же там плохо?

— Лучше водовозом на кухне. По крайней мере, почётное занятие. И повар приглашает, надеется на меня.

— Чудак ты, Каширин! Ну чем тебе плохо на складе? Тихо. Не дует. Не каплет над тобой. Пешком ходить много не приходится. Я тебя нарочно послал туда, на спокойную жизнь.

— Хороша спокойная жизнь! То с одним старшиной поругаешься, то с другим. Вчера тыловой крысой обозвали, сегодня— интендантской душой. А мне в интенданты записываться никак нельзя. Сами знаете, товарищ майор.

— Ну что же, сдавай склад старшине!—сказал Жерновой устало.—С твоим характером там не усидеть.

Каширин видел, что майор им недоволен, но старал-

ся об этом не думать. Важно, что разрешение получено и можно распрощаться со складом.

Повар и в самом деле усиленно тянул Каширина к себе в помощники.

— Пешего хождения или тем более беготни у водовоза нету,— уговаривал повар.— Вприсядку пускаться вокруг котла тоже не нужно. Так что нога тормозить не будет.

Повару льстило, что в помощниках у него будет состоять человек, знаменитый в полку. Кроме того, ему надоело возиться с водовозом Батраковым: тот всегда носил в кармане три индивидуальных пакета, а когда уезжал по воду, бледнел от страха.

За опушкой леса протекал ручеёк, но вода в нём была не питьевая—с какой-то противной горечью и запахом гнили. Оставался родник вблизи берега Шешупы, на переднем крае.

Родник бил у восточного подножия холма, но дорога туда просматривалась, и иной раз фашисты стреляли по водовозу из миномётов. Трусоватый Батраков ездил той дорогой только ночью, а днём приставал ко всем с просьбой экономить воду. Каширин успевал сделать за ночь несколько рейсов к роднику, но перед рассветом обычно собирался туда ещё раз.

— Слезай с бочки, Григорий Иванович,— сказал однажды повар.— Хватит на сегодня, слезай. У меня ещё со вчерашнего дня полный бак.

Каширин подобрал верёвочные вожжи, но остался сидеть на облучке и сказал:

— Куда её, вчерашнюю? Разве на стирку? Лучше я тебе свежей воды привезу, про запас.

— А обратно? Рассвет теперь торопливый.

— Пусть!—сказал Каширин и при этом лукаво подмигнул, хотя повар в полутьме не мог ничего увидеть.— Не много фрицы против солнышка заметят. В это время их наблюдатели—как слепые котята. Дорога-то моя оттуда—прямо на восток!

Повар недоверчиво покачал головой, но спорить не стал.

Новый водовоз отрыл окоп на восточном склоне холма. Он подъезжал к роднику, набирал воду, потом заводил свою кобылу Осечку в укрытие, как в стойло, а сам лез наверх в траншею к стрелкам. Траншея тянулась крутой дугой чуть пониже гребня холма. Каширин, приняв по возможности бравый вид и стараясь не прихрамывать, торопливо проходил в северный конец траншеи.

Каширин устраивался в траншее так, чтобы солнце вставало прямо за его спиной. Фашисты в час восхода сменяли караулы и завтракали. Они сновали по ходу сообщения пригнувшись, но нередко то тут, то там показывалась на мгновение голова в пилотке чужого покроя.

Каширин долго наблюдал за небольшой копной соломы на том берегу Шешупы, левее пограничного столба. Ну какой крестьянин оставит копёнку, когда рядом высится большая копна? Два дня Каширин присматривался, а на третье утро решил действовать.

Первой зажигательной пулей он поджёг солому. «Подходяще горит немецкая солома!»—весело заметил Каширин. Второй пулей подстрелил снайпера, который прятался в соломе и выскочил из горячей копны.

Редко в какое солнечное утро Каширин уходил из траншеи без того, чтобы не подстрелить врага.

Он успевал проскочить со своей бочкой обратно, пока солнце стояло невысоко над горизонтом и прятало водовоза в косых слепящих лучах.

Каширин приезжал на кухню, распрягал Осечку и тотчас же начинал разбирать и чистить винтовку.

За этим занятием и застал его майор Жерновой.

— Ну и плут же ты, Каширин!—сказал майор, стараясь казаться сердитым.—Просился в водовозы, а ходишь в снайперах?

Григорий Иванович вскочил, вытянулся, шея его сразу стала ещё более длинной, а воротник более широким, и

принялся молча вытирать ветошью руки, все в оружейном масле.

— Восемнадцать фрицев за месяц— это не фунт изюму!.. Ты, Григорий Иванович, прямо как старый боевой конь.

— Был конь, да изъездился,— мрачно заметил Каширин.— Теперь бочку возит туда-обратно.

— Опять недоволен.

— Что же хорошего— в кухонном звании ходить?

Повар, стоявший рядом, слышал весь разговор. Он укоризненно покачал головой. Каширина это не остановило.

— А мне, товарищ майор, сами знаете, оставаться во втором эшелоне невозможно. Поскольку я на действительной службе...

Майор рассмеялся, не сказал ни да, ни нет и пошёл прочь. Каширин заторопился за ним вдогонку. Он хотел «доложить боевую обстановку», то есть попроситься в снайперы и завести речь о винтовке с оптическим прицелом. Каширин шагал довольно быстро и не припадал, как прежде, на левую ногу. Может быть, он умело скрывал хромоту, а может, и в самом деле поправился.

